

Александр Николаевич Кестер

16+

Складень

Утро следующего после встречи дня

Александр Кестер

Складень

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Кестер А. Н.

Складень / А. Н. Кестер — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Эта работа, литературно-художественное воплощение предмета изобразительного творчества (рисованной книги): средник, а по сторонам события жизни. Три разные по характеру истории, но существующие в одной пространственно-временной плоскости, соприкасающиеся, но не переплетающиеся, объединённые общей идейной платформой. Последняя часть «Тыльная сторона. Эпилог» призвана разомкнуть заколдованный круг складня, вывести на новую дорогу - в сторону простых вещей: верь себе, а не кому-то/чему-то, и будет тебе – свобода. А вот в каком виде описанные в створках события визуализируется в сознании читателя, «нам не дано предугадать».

Содержание

Створка левая. История маленького Васи	5
Створка правая. Ниджи	7
Часть центральная. Серёжа	8
Тыльная сторона. Эпилог	10

Створка левая. История маленького Васи

Можно было бы начать историю так: «Жил-был Вася», – но тогда это получилась бы сказка, а у нас – вполне реальная история, поэтому начинать нужно с того, где он жил, и кто он был.

Жил Вася в городе, в квартире панельного дома 1972 года постройки, и был обычный школьник. Жил с родителями, были у него мама и папа – обычная семья, и учился он в обычной средней школе. Рос Вася послушным ребёнком, старался избегать неприятностей и не досаждал старшим.

Домашней живности в квартире не держали. Мама была категорически против: «Запах от них, шерсть, беспорядок и никуда спокойно не уехать», – протестовала она, когда речь заходила о том, чтобы завести какую-нибудь зверушку. Папа много работал и отстраивал дачу, чтобы было, где поесть клубники. Папа был инженер.

Вася печально и глубоко вздыхал и мечтал ну хоть о черепахе, но мама была непреклонна: «Пойди, запишись в кружок юного натуралиста и ходи в живой уголок». Но кружка такого в школе не было.

Когда Васе исполнилось четырнадцать лет, он вступил в комсомол и стал активным общественником. Всё интересно ему было, всё увлекательно: разные мероприятия, концерты, поездки, встречи, олимпиады... Но в классе и во дворе отношения с ребятами вдруг испортились. Его стали дразнить активистом и говорили, что это плохо. Так Вася узнал, что кроме «мой портфель лучше твоего», ещё есть интересы, но кто это решает, Вася не понимал.

Черепашки у Васи не было, зато было своё мнение, и он не боялся его высказывать. Старшие товарищи ему говорили, что это, конечно, хорошо – иметь своё мнение, но постоянно намекали, что лучше держать его при себе. «Вот станешь большим начальником, тогда сможешь выражаться, и всё у тебя в жизни будет правильно», – назидательно поучал комсорг. Вася печально и глубоко вздыхал и мечтал стать большим начальником, но мама постоянно говорила, что для этого надо учиться.

Вася окончил школу, и его призвали в армию. Искать способы уклониться не стал и пошёл служить. Вначале было интересно, дружно, и Вася служил добросовестно. Его хвалили и говорили, что это хорошо, но постоянно намекали: не стоит сильно выделяться, лучше быть как все. «Вот вернёшься на гражданку, – говорили Васе, – там и выделяйся, как хочешь». Вася слушал, и старался представить себе, как он выделится, когда вернётся домой.

После армии Вася пошёл учиться. Комсомола больше не было, был свободный рынок и все выражали открыто своё мнение. Комсорг, который намекал Васе про правильную жизнь, работал на рынке мясником рядом с инженером.

Учиться Васе было тяжело, а тем, у кого блат – легче. Вася долго не понимал, как те, кто на лекции не ходят – зачёты получают и экзамены сдают, а другие – кто лекции слушает и всё записывает, могут экзамены и завалить. Сперва он думал, что они очень умные, а потом узнал новые слова: «спонсор», «бизнес», «политика». «Поскольку денег у нас нет, – говорила мама, – то для правильной жизни нужно спонсора найти». Но Вася был мальчик, а спонсоры всё больше девочкам помогали. Тогда Вася пошёл работать.

Директор фирмы ему говорил: «Для того чтобы быть успешным и иметь много денег нужно пройти все ступени бизнеса и очень много работать, тогда всё будет отлично!». Вася очень много и усердно работал, пока директор ездил кататься на лыжах, катерах, строил новый дом и выбирал машину. В новых машинах директору постоянно что-то не нравилось, а дом, как ни построят, всё маленький получается, и он новый строить начинал. Из-за этого директор был постоянно уставший и нервный, говорил, что у фирмы очень плохо идут дела, и зарплату

платить нечем. С курортами у него тоже что-то не ладилось, и ему каждые три месяца приходилось выбирать для отдыха новый.

Через некоторое время объявили, что фирма обанкротилась, и всем нужно искать новую работу, а их бывшего директора стали показывать по телевизору, откуда он рассказывал, какой из него будет хороший президент, и как он всех осчастливит. Васе стало очень грустно, ведь он так и не понял, что такое бизнес, и как заработать кучу денег, чтобы всё было отлично. Вася очень завидовал черепашке, которой у него не было в детстве: у неё всегда при себе домик, куда можно спрятаться, и травки всегда найдётся, где пощипать – вот и вся её цивилизация.

Один очень улыбчивый и приветливый человек однажды сказал Васе: «Ты несчастен из-за того, что не веришь в Бога», и Вася пошёл в какую-то церковь. Служитель сказал ему, что всё кругом ложь, и все во грехе, и надо очищаться, тогда в раю будет всё, что только Вася не пожелает. Для этого требовалось соблюдать заповеди, обряды, посещать церковь и жертвовать в пользу неимущих. Вася стал верить в бога, рай и бороться с грехом, но его удивляло одно: чем больше он «очищался», тем больше становилась церковь, тем богаче становилось её убранство, тем респектабельней выглядели её служители. И снова Васе стало очень грустно, он понял, что для одних рай наступает тогда, когда у других ад.

Он стоял на мосту и плакал, когда к нему подошёл какой-то монах и объяснил, что жизни вообще нет, всё кругом иллюзия. После этого Вася исчез.

Створка правая. Ниджи

Ниджи – так звали кобеля добермана. Ему шёл второй десяток, и никто уже точно не помнил откуда кличка. Пёс, как бы в подтверждение своей породы был, как в народе говорят – безбашенный. Он мог неожиданно вырваться на прогулке, убежать в неизвестном направлении и пропасть на пару дней. Иногда его удавалось найти, но на призывы хозяина он не реагировал и близко к себе не подпускал. Его видели на карьере, на помойках, в сточных канавах, на стройке. В парках и многолюдных местах он не появлялся. Вреда тоже никому не причинял, поэтому репрессий, типа уколов или подрезания сухожилий – к нему не применяли, не кастрировали и не усыпляли.

Порыв вырваться и сбежать у него чаще всего появлялся, когда он видел сучку, у которой течка, поэтому все думали, что он просто «кабель», в смысле «бабник». Поговаривали даже, что в нём течёт южная кровь. Дома, при этом, он вёл себя смирно и позволял делать с собой всё, что угодно. Любил, чтобы ему почесали за ухом и пузо, а когда отказывали, очень расстраивался, уходил на место и там, плюхнувшись на матрас и отвернув морду к стене, грустно поскуливал и глубоко вздыхал. Иногда эти детские штучки срабатывали, и его жалели: кто-нибудь подходил и трепал пса за ухом.

После очередного побега доберман возвращался худой, грязный, с впалыми от недосыпа глазами. Ниджи был готов ко всему, лишь бы его приютили. Поначалу хозяин на нем от души «отрывался» за все испорченные нервные клетки всем, что под руку попадётся, да так, что даже хозяйке приходилось с криком вмешиваться в процесс воспитания. Затем, немного поуспокоившись, хозяин загонял собаку в ванну и там отдраивал, поражаясь тому, как можно за два дня исхудать так, что видны были не только рёбра, но и спина – обтянутый кожей позвоночник, выглядел как стиральная доска. Мыл он его с тихой злобой. Доберман был отрешён и покорен как зомби. А на то, как Ниджи после этого заглатывал пищу, смотреть было жутко. Несколько дней после возвращения пёс сидел в углу и никому не докучал.

Удивительно было то, что за все свои бессчётные количества побегов Ниджи только раз подхватил где-то лишай. Ни тебе инфекций половых, ни желудочных, ни оторванных в собачьих схватках ушей. Убегал он, надо сказать, с завидной регулярностью. Предотвратить это изредка удавалось, но всё равно – Ниджи умел усыпить бдительность хозяев и найти лазейку во всех принятых предосторожностях. Казалось, что поиск способа вырваться на свободу было занятием и задачей всей его собачьей жизни.

Постепенно Ниджи состарился, стал грузен, подслеповат, глуховат, и нюх его начал подводить. Пса без опаски выпускали во двор: он выбежит, морду против ветра поднимет, ноздри раздует, глаза прикроет, застынет на пару минут, и только грудь, как меха, раздувается. Затем будто очнётся, отлается неизвестно кому, оббежит кусты и деревья в саду, и сам обратно в дом, на своё место вернется. А после его появления долго ещё собаки во всей округе успокоиться не могли, отзывались.

Недавно я узнал, что много веков назад жил на восточном Кавказе такой дзен-буддист, удин по национальности, а звали его Ниджи. Он славился неутолимим влечением к женщинам и яростным стремлением «увидеть свою природу» – как говорят «мастера» дзен, а по-нашему, по-привычному – понять себя, понять, кто ты есть на самом деле, и стать по-настоящему свободным.

Часть центральная. Серёжа

Серёжа был худой как жердь, носил очки и при ходьбе слегка переваливался с боку на бок, не переставляя, а как бы закидывая вперёд ноги. Будучи угрюм и молчалив внешне, говорил он медленно, а ответы начинал с паузы.

Любимым его занятием было создавать забавные ситуации и делать необычные ходы, он как будто тренировал смекалку – как в разговоре, так и в поступках. Вот спросят у него, например, который час. Он подумает и на полном серьёзе ответит: «Уже пора». «Что пора?» – «То, чего ты ждёшь» – «Чего я жду?» – «Ну, ты же зачем-то спрашиваешь, который час!» – «Серёжа, я просто хотел узнать время!» – «А я что, я просто ответил!». Нередко после этого хотелось его поколотить, но он вовремя начинал смеяться и отскакивал в сторону.

В основном, конечно, все эти казусы Серёжа создавал не из вредности, поэтому все-рез сердиться или ругаться с ним никто даже не помышлял. Купит, скажем, кто-то из друзей машину. Естественно, по этому поводу встреча, разговоры, похлопывания по плечу, а Серёжа с подарком: большая коробка, обёрнуто, бант сверху. Все заинтригованы, хозяин распаковывает, Серёжа невозмутимо стоит рядом. Открывают коробку, а там буксировочный трос, жидкое мыло и ароматизатор для салона. Хозяин благодарит, остальные обсуждают полезность подарков, кто-то замечает, что ведра с мочалкой не хватает, да и пара усердных рук не помешает... Серёжа внимательно слушает, головой кивает, а потом и говорит: «Этот комплект называется «Свобода». Он на тот случай, когда тебе надоест в ремонт машину гонять, за запчастями по магазинам бегать, да штрафы оплачивать. Когда устанешь от постоянного повышения цен на бензин и стоять в пробках... Когда поймёшь, что жизнь твоя – сплошное автомобильное рабство, вспомни, что есть у тебя очень прочная верёвка с крюком и мыло. Ароматизатор повесь на грудь. Если вдруг висеть долго придётся, то когда друзья снимать придут, чтобы им от запаха разлагающейся плоти животики не скрутило», – закончил Серёжа декларировать и нарочито злобно рассмеялся.

Итак, канун Нового года. Ночи стали холодными и длинными. Влага к утру оседала инеем. Красный столбик термометра устойчиво сжимался. Повалил снег, магазины запестрели новогодним разноцветьем. В Серёжке проснулась потребность свершить что-нибудь не обычное. Накупил он сувениров, празднично упаковал, подписал имена, разложил по мешкам и поехал играть в Деда Мороза.

Свернув к многоэтажке своего старого друга Михалыча, Серёжа с трудом, между сугробами и автомобилями, припарковался. Вышел из машины, достал из багажника увесистый пакет с подарками и направился к подъезду.

Дверь была заперта, домофон работал, но звонить по нему – значит, обречь всю задумку на провал. Серёжа стал ждать, пока его кто-нибудь впустит. Вечер, мороз, окна практически всех сорока восьми квартир горят. Вот уже потухла вторая сигарета, подмёрзли пальцы на руках, холод щиплет ступни. На лице выражение досады к дверям, домофонам и этой параноидальной страсти к безопасности. Другой бы уже бросил затею но, нет, не из пластилина у Серёжи характер... Молодая семейная пара пропустила его вперёд, они вместе зашли в лифт, поднялись на шестой этаж, Серёжа их выпустил, а сам поехал дальше. Выйдя, поставил пакет возле двери, позвонил, спустился на один пролёт ниже и затаился в углублении между стеной и мусоропроводом. Сердце отбивало мгновения, пока щёлкали замки. Хозяин подошёл к внешней двери, замер, видимо, поглядывая в глазок, и пробасил: «Кто там?». Потом минуту помолчал и направился, судя по шагам, обратно в квартиру. Дверь захлопнулась.

«Не сработало», – с досадой подумал Серёжа, вышел из укрытия и медленно стал подниматься по лестнице. Когда оставалось две ступеньки, дверь вдруг резко распахнулась, и на

пороге появился Михалыч с грозным видом и внушительной железкой в руке. Он на мгновение оцепенел, потом с лица его спала ярость, и Михалыч заорал:

– Ты чё, охренел, я же тебя зашибить мог! Тут знаешь, сколько быдла шляется? Сосед квартиру сдал каким-то строителям-гастарбайтерам, так они что ни вечер, то бухают! Перепьют и сдуру ко мне в квартиру трезвонят, пусти, мол, мы к маленькому Васе. Меня это всё уже знаешь, как за...! В этот раз, думал, поубиваю!

Всё это время Михалыч сотрясал в воздухе полутораметровым металлическим строительным уровнем и краснел.

– Даже уровня не пожалел бы, – смиренно спросил Серёжа, – инструмент ведь?

– Идиот!

– Не спорю. А маленький Вася что говорит?

– Ничего он не говорит. Пьёт и на жизнь жалуется. Всё, говорить, относительно...

Поуспокоившись, они обнялись и зашли в квартиру. Михалыч был так разгорячён, что даже пакета с подарками не заметил, а когда уселся, было видно, как он нервно постукивает пальцами ног по паркету и как бегают его взгляд. Краснота с лица его постепенно спадала, он позвал в комнату жену свою и дочь, и Серёжа закончил дело – поздравил всех с наступающим Новым годом и раздал подарки. Требовать взамен стишков или плясок не стал, обстановка не располагала.

Закончив одну церемонию, Серёжа сел в машину и поехал на окраину города, где в своём доме жил другой его приятель. У Старого, как окрестили его друзья, три года назад родился ребёнок, и уж там, наверняка, всё пройдёт на ура – с уверенностью предвкушал наш «Дед Мороз». Подъехав, оставил машину чуть поодаль за деревьями и, прихватил очередной пакет, подошёл к дому со стороны главного входа. Окна кухни на первом этаже ярко освещены, шторы забраны, у друзей гости. Центральная дверь новая, широкая, застеклённая, так что сразу и во весь рост видно, кто пришёл. Звонка ещё нет.

Серёжа поставил пакет перед дверью, с силой в неё пробарабанил и спрятался за стоявшую перед домом машину гостей. Тишина. Серёжа вышел из укрытия и снова постучал. Дверь толстая, звук получался глухой идо кухни видимо не доходил. В окно стучать Серёжа не решился, побоялся, что не успеет спрятаться, и сюрприза не получится.

После второй неудачной попытки он решил идти в обход, с заднего крыльца. Дверь там, через тамбур, ведёт прямо на кухню – больше шансов, что услышат.

Поднявшись по ступенькам, «Дед Мороз» поставил пакет на широкие перила прямо перед дверью, осмотрелся куда бежать и прикинул, где прятаться. Звонка там тоже не было, но железная, пустотелая дверь гулко откликнулась на удары Серёжиного кулака. Сбежав вниз, он спрятался в дровяник.

Замок щёлкнул, дверь приоткрылась, и вниз по лестнице сбежал здоровенный доберман. Он оббежал участок, ткнул носом в Серёжу, как бы поздоровавшись, фыркнул и, увлечённый чем-то своим, побежал дальше.

Вслед за этим из дверей показался хозяин. Старый звучно крикнул: «Вылезай давай, шалунишка!». Пакета с подарками он так и не заметил.

Встреча прошла в рассказах и байках. Детей было много, они прыгали и скакали, но до пакета и Деда Мороза им дела не было. Родители решили, что подарки положат под ёлку и откроют в Новый год. Серёжка внимательно слушал и пил чай с тортом.

Тыльная сторона. Эпилог

Звонок раздался в тот момент, когда я открывал дверь, чтобы выпустить Ниджи пробежаться по двору. Серёжа просил присмотреть за машиной.

- Куда летишь? – спросил я.
- В Минск, Лену навестить.
- Откуда о машине такая забота?
- Михалыч убедил. Время, говорит, беспокойное, лучше не рисковать.
- Понятно. Как он?
- Работает.
- Что нового, как там его сосед, всё буянит?
- Исчез.
- Окончательно спился? Так это не новость.
- Нет, совсем исчез... Нет больше маленького Васи.

Обсудив, мы отправились в аэропорт, куда я вызвался проводить Серёжу. Лена уехала на стажировку, и Сережа решил устроить ей сюрприз. Протискиваясь с чемоданом через турникет в переднюю дверь автобуса, он вдруг спросил:

– Ты помнишь раньше в трамваях, автобусах, троллейбусах такие аппараты были: бросаешь в него монетку, потом сам за ручку крутишь, а из него билетик лезет, ты его отрываешь и – в компостер?

- Помню, – ответил я. Почему-то на сердце стало тепло.
- Можно было и без монетки, ручка и так крутилась, билетиков сколько хочешь крути.
- И что? – почувствовал я подвох в его словах.
- А ты был хорошим мальчиком, не воровал билетики? – с ехидной улыбкой заглянул мне в глаза Серёжа.
- Не помню. А что?
- А когда эти аппараты пропали, помнишь?
- Нет. Пропали, и всё. К чему это ты? – нетерпеливо спросил я.
- Интересно... Неужели все вдруг стали воровать билетики?!
- Не знаю, – равнодушно отозвался я.
- Если ты не воровал, Михалыч не воровал, Лена не воровала, Старый тоже не воровал, и я не воровал, то кто же? – не унимался Серёжа.

– Ты что, уже всех опросил?

– Да!

– Болтовня.

– Вот и я думаю – базар, рыночные отношения.

– Ты бы лучше подумал, как Ленку искать будешь. Минск тебе не улица и два дома.

– Название фирмы я знаю. Найду контору, а там подскажут. Не толпами же каждый день к ним из нашего города стажироваться едут, – логично заключил он и пошёл на посадку в самолёт. А я стоял и думал, как у него всё сложится, что вдруг он не вовремя припрётся, вдруг неправду она ему сказала и вовсе не на стажировку туда поехала, и Серёжа сейчас наткнётся на ледяную правду и весь его неунывающий пыл и энтузиазм разлетятся с прощальным мелодичным звоном. Подумал, но не сказал. Сдержался.

Серёжа слетал. Вернулся. Через год у них с Леной родилась дочь.